

К ЧЕХОВСКИМ ДНЯМ

Облик немца в произведениях А. П. Чехова

В начале литературной деятельности А. П. Чехова, когда он сотрудничал в московских юмористических изданиях, в журнальчике «Зритель» появилась принадлежащая его перу сатирическая зарисовка такого содержания:

«Фрейлейн Луиза сидит за столом. Она высока, толста, неповоротлива, как улитка... Еще в прошлом году она жила в Пруссии, где мыла полы, варила герру пастору бурзуппе и няньчила маленьких Шмидтов, Миллеров и Шульцов. Но судьбе угодно было нарушить ее покой: она полюбила Фрица. Фриц полюбил ее. Но Фриц не может жениться на бедной! Луиза поклялась Фрицу в вечной любви и поехала из милого Фатерланда в русские холодные степи заработать приданое... Когда соберется известная сумма, она уедет в Пруссию и выйдет за Фрица»...

Как и другие большие русские писатели, Чехов не мог равнодушно пройти мимо такого явления в европейской жизни, как немецкий воинствующий национализм, особенно остро заявивший о себе после франко-прусской войны. Чехов не раз останавливал свое пристальное внимание на типичных чертах современного ему немецкого национального характера. Какие же именно типические немецкие черты запечатлел великий писатель в своих произведениях?

Прежде всего — ограниченность мышления и самодовольную пошлость. Беспощадный обличитель всяческой пошлости, Чехов нашел яркие краски для изображения непреходимой пошлости немецкого обывателя. Вот юмористический рассказ «Добрый немец».

Иван Карлович Швей, старший мастер на заводе Функ и К^о приревновал свою жену. Иван Карлович несчастен:

— Ну, полюби она Функа и К^о я простил бы ей, а то полюбила какого-то чорта, у которого нет в кармане гривенника! О, я несчастный человек! О, зачем я женился на русском человеке? Русский нехороший человек! Варвар, мужик! Я желаю драться с Россией, чорт меня возьми...

Характерно для немца это «я желаю драться». Эта охота драться не пропала у немцев после первой мировой войны, которую они затеяли. После разгрома 1918 года немецкие лавочники выдвинули из своих рядов Гитлера. Появился немецкий фашизм с его идеологией сильного кулака и господствующей расой фрицев и лунз...

В повести «Дуэль» А. П. Чехов дает развернутый, и уже не юмористический, образ «немецкой души» в лице претендующего на ученость зоолога фон-Корен.

Фон-Корен «очень доволен и своим лицом, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами». У фон-Корена твердые принципы, он знает, чего он хочет, он уверен в своем будущем и уверенно делает свою ученую карьеру. Он презирает неврастеника Лаевского, русского интеллигента. Он говорит:

— Таких, как Лаевский, надо изолировать от общества, уничтожать.

Беда, когда самодовольный немецкий обыватель приобщается к точным наукам. Его ученому высокомерию нет границ. Он уже понял этот несложный человеческий мир и готов переустроить его на свой немецкий образец. В первую очередь надо истребить слабых...

Если нельзя физически уничтожать лаевских, — проповедует фон-Корен, — изолируйте их, обезличьте, отдайте в общественные работы.

Добрейший военный врач Самойленко не выдерживает такой проповеди:

— Если людей топить и вешать, — кричит он, — то в чорту всю цивилизацию! Вот что я тебе скажу: тебя немцы испортили! Да, немцы! Немцы!

А как поступить с женщиной, которая, подобно Надежде Федоровне, бросила нелюбимого мужа? Для фон-Корена ясно:

— Ее следует отправить к мужу, а если муж не примет, то отдать в каторжные работы, или в какое-нибудь исправительное заведение.

Будь его власть, фон-Корен так бы и поступил. Он не шутит.

Сцена дуэли. Лаевский, ненавидящий своего врага, перед лицом развязки забывает о ненависти. Для него фон-Корен — человек. Лаевский готов мириться. Но для фон-Корена Лаевский и теперь — не человек. Он не хочет упустить удобного случая физически уничтожить «макаку» Лаевского. Он говорит: «Я желаю драться». Лаевский стреляет в воздух. Фон-Корен долго и тщательно прицеливается, и только случайность помешала ему «уничтожить» Лаевского.

Замечательная заключительная сцена повести. Тот факт, что Лаевский смог перебороть свою моральную и бытовую распушенность, свою духовную дряблость и безволие и сделаться скромным тружеником, ограничивая себя во всем, — это выше понимания фон-Корена. Этому немецкому «ученому» доступна лишь арифметика человеческого поведения. Чехов великолепно раскрыл эту арифметичность немецкого мышления, подходящего к сложным, изменяющимся явлениям жизни с неизменной казенной меркой и фельдфебельским окриком.

Характерный штрих из биографии А. П. Чехова: когда ему предложили издать избранные повести и рассказы в Германии, Чехов отказался. Впоследствии он со свойственной ему скромностью объяснил свой отказ тем, что произведения его совершенно не нужны немецким читателям. Чехов лучше всех понимал, что ни «Вишневый сад», ни «Дом с мезонином», ни «Степь», ни другие лучшие его произведения не могут найти понимания в той огромной казарме, в которую превратилась Германия.

Б. ДАЛЬНИЙ.